

Тринадцатый стул

«Круглый стол» во время спектакля в Московском театре сатиры

Старожилы-читатели, наверное, помнят: раньше был такой жанр — праздничный фельетон. А почему бы и нам не попытаться сказать нечто похожее, с юмором, сатирой и в то же время праздничное? — подумали мы. Ну не самим, конечно, а с помощью популярных актеров, хотя бы Московского театра сатиры?

И отправились мы 5 октября на спектакль с таким вот несобачьим названием «Рыжая кобыла с колокольчиком» Иона Друцэ.

Актеры все уже на своих местах, гримируются, преображаясь на наших глазах в героев молдавской пьесы о наших современниках. Сюда же зашел и директор театра Александр Левинский. Речь зашла о месте Театра сатиры и сатиры в театре. Легко ли ее найти сегодня?

Александр Ширвиндт, заслуженный артист РСФСР: — Если говорить о сатире в театрах — то с этим худо. Потому что очень рванулось все вокруг, а мышление театральное все-таки пока остается где-то там, в минувшем. Мы пробивали и с любовью делали многие наши спектакли. Но сейчас они уже немного «историческая» ценность.

Сколько лет не сходит у нас феерическая комедия Маяковского «Клоп»? Да и другие пьесы — долгожители. Поэтому все, что касается сатиры сегодня, то вечные темы — «сегодня в газете, а завтра в куплете», как это бывало раньше — нынче «не разбоятся». Ведь раньше: что-то появляется в газете, и сатирики с наслаждением поют об этом два года. А нынче? Успеть за газетой невозможно. Сколько сейчас куплетов можно написать — по любой сегодняшней перестройке в газете!.. И второе: все, что касалось сатиры раньше, останавливалось на уровне проблем водопровода и жюка человечества и сферы обсуждения. Тут сатирики

руку набили. Теперь резко изменился сам уровень номенклатуры сатиры, а средства остались теми же.

Поиски же того, что было незаслуженно забыто, правдоподобны, но ведь этот источник скоро кончится... Я имею в виду то, что, к счастью театра, нам удалось первыми «пробыть» постановку пьесы Эрдмана «Самодубица», в планах — пьеса «Шарманка» Платонова, «Трибунал» Войновича... Но все эти фамилии и произведения — «ретро», а сегодняшних произведений, крик, талантливых, нет. Таково состояние драматургического цеха. Увы, у нас нет ни одной новой сатирической пьесы в театре. Вот так обстоит дело с сатирой в театре.

Михаил Державин, заслуженный артист РСФСР:

— Вообще-то пьес сейчас пишется много. Даже больше, чем надо. Вот вы задаете вопрос: «Вудучи популярными артистами сатирического цеха, за каким дефицитом вы стоите?» На него ответить можно и так: за тем же, что и все люди. Но чего-то, а юмора в очередях хватает, его больше, чем даже в иппокомедии. Но можно ответить и по-другому — мы все стоим в очереди за таким дефицитом, как хорошая комедия. Пьес много, как обужи в магазинах, которую никто не берет. Вы знаете, на сколько рублей ежегодно гниет на складах никому не нужной, невостребованной обуви? Это же уму непостижимо! А фабрики выпускают все то же. Ну не смеши ли? То же и с пьесами иных драматургов, которые из года в год, как сапожники тачают их по одному и тем же колодам. И все же, если говорить об ошелашах: мне по душе только одна очередь — у кассы нашего театра...

Александр Ширвиндт:

— Уточню пастикту Михаила Михайловича: надеюсь, он имеет в виду не только

приятную очередь в кассу, где мы получаем зарплату?..

— Раз уж зашел разговор о репертуаре, то позвольте задать вам всем такой вопрос. Почему в названиях ваших спектаклей так много «зоологических» «Клоп», «Восемнадцатый стул», «Рыжая кобыла с колокольчиком», «Ворона»? Может быть, мы что-то упустили?

Александр Левинский, директор театра:

— Сейчас еще готовится спектакль «Слон» по пьесе А. Капкова. Она — тоже из «ретро», из незаслуженно забытого. Ставит ее режиссер Виталий Черменев.

Александр Ширвиндт:

— Вот видите, уровень наших притязаний повышается... От «Клопа», так сказать, насекомого, от «Вороны» — до «Слона»!.. Не знаю, какого масштаба будет наш слон, но прогресс явно налицо, не так ли, друзья?

Михаил Державин:

— Никогда не задумывался о «зоологичности» названий наших спектаклей... Но это, видимо, от того, что нет большей проблемы перед человеком, как от положения верблюда, вороны или заезженной кобылы все-таки стать Человеком.

Роман Ткачук, народный артист УССР:

— Ну а мне кажется, это все потому, чтобы больше привлекать зрителей. Про животных — все любят. Вы заметили, появление животного на сцене всегда крайне любопытно для зрителя, это даже более интересно, чем живой популярный артист?

Александр Ширвиндт:

— А вообще-то, если говорить всерьез, то испокон веков, еще с Эзопа, сатира прибегала к аллегориям. И Маяковский не избегал этого соблазна — говорить зооповским языком. Помните, у него в «Клопе» есть такие слова, обращенные к зрителю: «Не сердись на шутки насекомого: это — не про тебя, а про твоего знакомого!»

Осознание этого всегда приятно ощущать. Но все-таки зооповский язык нынче уху-дился. Уже мало аллегорий, сатирического намека. И нам, и зрителям хочется называть конкретные имена, показывать реальные явления! Вот, например, наш спектакль «Рыжая кобыла с колокольчиком» — он ведь ни о какой проблеме животноводства, а о том, что всех волнует сегодня, — об утрате нравственности, о том, что мешает нам в жизни.

— Известно, что одним из героев древности, ассирийца, «Полцарства за мной...» Значит, ваш спектакль «Рыжая кобыла с колокольчиком» все-таки вывозит сегодня театр, несмотря на острейший дефицит драматургии?

Роман Ткачук:

— В связи с тем, что пока наш Театр сатиры не имеет других «транспортных» средств, кроме, «рыжей кобылицы», то она, можно считать, все-таки «вывозит». Но мы, как сказал наш директор, возлагаем надежды и на то, что скоро взгромоздим и на «Слона»...

Александр Ширвиндт:

— «Рыжая кобыла...», к сожалению, слишком долго простояла в чиновничьем хлеву. Кому-то тогда, когда прекрасный писатель Ион Друцэ создал эту пьесу, она показалась ужасно смелой. На фоне нынешних газет она нам, актерам, уже не кажется столь же смелой. Так что «Рыжая кобыла...» заподадала с выхождением на сцену на добрый десяток лет!

— Многие наши читатели считают, — продолжили мы потом наш разговор, — что артисты Театра сатиры — люди очень остроумные и веселые в жизни. Так ли это?

Михаил Державин:

— Ну то что мы все остряки в жизни — это не так. Райкин, например, бывал в жизни молчаливым. Михаил Зощенко вообще выглядел серьезным человеком, если не скажут мрачноватым. А Анатолий Дмитриевич Папанов? Он же никогда не гово-

рил лишнего слова. Но уж если скажет, то весомо! Самый остроумный в жизни у нас — Александр Анатольевич Ширвиндт. Но и он бывает мрачноватым. Особенно сейчас, когда как режиссер ставит спектакль по произведениям Фазиля Искандера.

Ольга Аросева, народная артистка РСФСР:

— Вы знаете, мы — люди серьезные: наверное, потому что ремесло у нас очень грустное: оно требует умения видеть не только смешное, но и острые ситуации. Это — наша профессиональная обязанность. Время для сатиры сейчас очень благоприятное.

Александр Ширвиндт:

— Да, сатира — дело нешуточное. Вообще я за то, чтобы у нас при театре поскорее образовалась бы кооператив. Даже название ему придумал — «Виртуозы Подмосковья», поскольку «Виртуозы Москвы», как известно, уже есть. Актеры — люди, заезженные работой. Вы думаете: это для нас организова-вана запись в группу «Аэробика»? Для того чтобы сатира у нас на сцене выглядела бы позитивно и погуще? Да ничего подобного: это — для работников технических цехов. Мы любимея нашими сотрудниками, а сами ходим тяжелоносно. Поэтому, видимо, и ставим «Слона». Театральный же кооператив многие из наших забот вездь бы на себя.

Михаил Державин:

— Легенде о легкости нашей жизни, может, во многом способствовал телекабачок «13 стульев». Теперь на встречах со зрителями мы слышим немало вопросов: почему его нет? Вот вернули же «КВН»... Почему же не попытаться вернуть и наш «Кабачок»?

— Истату, о двенадцати стульях известно все, а вот кто сидел у вас на «тринадцатом» стуле?

Михаил Державин:

— На нем сидел я...

Ольга Аросева:

— А я думаю, что на этом стуле сидел редактор: не тот, который создавал эту популярную телепередачу, а который ее однажды неизвестно почему запретил. К сожалению, мы с телевидением не связаны. Мы только знаем о многочисленных просьбах вернуть «Кабачок». Но это зависит не от нас. Я тоже считаю, что развлекательные передачи — это дефицит, за которым мы каждый вечер усаживаемся «в очередь» у телеэкрана. Народ жаждет отдохнуть, посмотреть развлекательную передачу. Вот такой всеобщий интересной юмористической передачи до сих пор нет. Хотелось бы, чтобы на «тринадцатый стул» сел человек, который бы понял, что такого рода передачи жизненно необходимы...

Антеры и в жизни повторяют заветные слова из своих полей. Не можете ли вы в заключение нашей беседы сказать такие записные вам в душу слова?

Роман Ткачук:

— Вот только что на сцене прозвучала важная для меня фраза моего героя: «Не надо смущать чистоту природы нечистой людской».

Ольга Аросева:

— Герой пьесы «Самодубица» Егорушка говорит: «Смотришь — идет женщина. И такая от нее красота исходит, а посмотришь на нее с марксистской точки зрения: какая гадость сразу получается...»

Михаил Державин:

— «Театр — это увеличительное стекло!»

Александр Ширвиндт:

— А можно не из спектакля, не боясь, так сказать, все «засерьезнить»? Тогда — важнее всего: «Учиться, учиться и еще раз учиться». Это — и для всех. И на всю жизнь!

На спектакле за кулисами побывали

Ю. СЛАВИЧ и Ю. ЧЕРЕПАНОВ.